

ВАРЬИРОВАНИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье автор рассматривает вариативные возможности такой функциональной единицы, как сложноподчиненное предложение с придаточным времени, проводится анализ речевых проявлений данной синтаксической формы в сравнении с оборотами с неличными формами глагола. Вариативность рассматривается как проявление прагматического компонента дискурсивной деятельности, где выбор определенного вида передачи речи зависит от степени мыслительной обработки высказывания.

В последнее время в работах, посвященных исследованию языка, все отчетливее проявляется тенденция изучать язык в процессе его функционирования. Поскольку язык не существует как неизменное, однородное целое, а постоянно подвергается влиянию экстралингвистических и собственно языковых факторов, следовательно, подвергать изучению и анализу закономерности, определяющие речевую вариативность, влияние на них целей коммуникации и самих коммуникантов необходимо.

Предпосылки вариативности заложены в самом процессе коммуникации, так как звучащая материальная оболочка отражает интеракционную и когнитивную стороны общения. Настоящее исследование проводится с позиций коммуникативной лингвистики, в основе которой лежит концепция, учитывающая функциональную предопределенность языка от речевой деятельности и прагматических условий использования.

Интерес к проблеме вариативности обусловлен изначально признанием сосюровского разграничения языка и речи, что предполагает системный подход к изучению языковых явлений и рассмотрение структурной иерархии единиц внутри каждого уровня языка.

Большинство исследователей склоняются к следующему понятию вариативности, где варьлируемые элементы не обнаруживают заметных различий в аспекте диахронии, нормы, стиля и прагматики. Такого рода варианты позиционно обусловлены и легко взаимозаменяемы (к ним, например, относятся синтаксические варианты). Вариативность синтаксических конструкций обеспечивается благодаря различиям внешнего оформления совпадающих по составу грамматических членов сопоставляемых конструкций. Это происходит за счет наличия в языке так называемых парадигматических отношений, которые представляют собой ряд тождественных по

функции, но различающихся формально конструкций.

З.Д. Попова в своем подходе к изучению синтаксической вариативности за основу определения синтаксических вариантов принимает следующее соотношение между планом выражения и планом содержания: одной единице плана содержания соответствуют две или более единицы плана выражения; а в качестве инварианта выступает семантическое тождество конструкций.

Нас интересует вариативность как свойство, присущее единицам любого уровня языка на каждом этапе его развития. Объектом исследования выбран синхронный план чередования языковых единиц на синтаксическом уровне языковой структуры.

Изучение функционирования вариантных единиц в синхронном аспекте языка выдвигает ряд подлежащих решению проблем: что может подвергаться варьированию (содержательная сторона или только формальные показатели данной структуры), и как разграничить варьирование от сходных явлений синонимии и полисемии. Относительно первой проблемы необходимо отметить, что вариантность присуща чаще единицам языка, относящимся к языковой форме, т.е. к плану выражения; а варьирование единиц содержательного плана ограничено. (Солнцев 1984; Бродович 1988) Таким образом, исходя из данного положения, можно сделать вывод, что синтаксические структуры меньше всего подвержены варьированию, так как синтаксис ближе всего к уровню грамматики.

Что касается второго вопроса о схожести варьирования с синонимией и другими языковыми явлениями, то на эту проблему имеется несколько точек зрения. По мнению В.Н. Ярцевой, вопрос о том, считать ли вариантами только такие единицы, которые на сто процентов взаимозаменяемы или можно говорить о

варьировании и в случаях, когда коррелирующие формы не имеют полного совпадения и лишь соприкасаются между собой, является методологическим при изучении вариативности. По В.Н. Ярцевой первым условием при определении единиц языка как вариантов должен присутствовать критерий «возможности выбора для говорящего из ряда вариантов того, который наиболее подходит по условиям коммуникации» [6;20]

По мнению же О.И. Москальской, синонимия и варьирование представляют собой различные явления. Критерием вариантности является равнозначность сосуществующих форм, что выражается в отсутствии у вариантов дополнительной информации относительно друг друга, именно этот критерий и «создает демаркационную линию между вариантностью и синонимией». [3; 58] Мы считаем, что синонимия и варьирование являются разными языковыми феноменами, но, несмотря на это они не являются пересекющимися явлениями.

Исходя из всего изложенного выше, перейдем к анализу конструкций, выбранных нами в качестве непосредственных выразителей темпоральных отношений на синтаксическом уровне, а именно: придаточных времени в структуре сложноподчиненного предложения (далее СПП) и соответствующих им оборотов (предикативных конструкций). При рассмотрении данных языковых явлений нам предстоит решить основной вопрос вариативности: от чего зависит выбор говорящим той или иной конструкции для передачи отношений темпоральности? Основным критерием языковой ситуации является возможность выбора. У коммуниканта есть возможность выбрать из нескольких семантических вариантов один, при этом языковой контекст не дает информацию о том, какой именно вариант должен быть реализован. С позиций же говорящего действует критерий необходимости выбора, т.к. коммуникант выбирает только один вариант, наиболее подходящий условиям коммуникации.

Чтобы установить отношения функционального тождества СПП как синтаксической единицы более высокого ранга с единицей более низкого синтаксического уровня - простым распространенным предложением, необходимо определить тот дополнительный элемент, который отличает их друг от друга. По мнению Е.В. Гулыги, основное отличие СПП от простого состоит в том, что в нем существуют две предикативные линии (главного и придаточного предложений).

Сходство же СПП и простого обусловлено общностью функций придаточного предложения и члена предложения, выраженного причастным, герундиальным оборотом или другими средствами. Взаимной трансформации предложений, как считает Е.В. Гулыга, способствуют: лексический объем придаточного предложения, тождественность субъектов, отсутствие сочетаемости или ограниченная сочетаемость некоторых классов глаголов с другими частями речи. [1; 16-25]

Согласно правилам трансформации и деривации модель предложения может распространяться или свертываться. Если обратиться к прагматическим факторам условий коммуникации, к которым кроме фактора личности говорящего относится также пресуппозиция (т.е. то, что заранее известно коммуникантам), то следует отметить, что фактор пресуппозиции способен влиять на отбор и употребление в речи той или иной конструкции (придаточного предложения или косвенно-предикативной конструкции). Определенная пресуппозиция субъекта высказывания относительно объема и характера релевантных для данной коммуникативной ситуации знаний слушающего может заставить говорящего скорректировать свое высказывание в сторону уменьшения или увеличения выражаемой информации. Так, например, предполагаемое наличие одинаковых фоновых знаний у говорящего и у слушающего позволяет первому выражать часть информации свернуто (т.е. посредством косвенно-предикативного оборота).

Выражение части информации в свернутой предикации оказывается характерным приемом в том случае, когда в коммуникативную задачу говорящего входит таксисное представление двух сообщаемых им событий как соотнесенных во временном или причинно-следственном отношении. Представление о возможности такого соотнесения двух фрагментов действительности входит в общую для говорящего и слушающего сферу абстрактного мышления, поэтому говорящий имеет возможность в процессе оформления высказывания опустить некоторые структурные элементы и свернуть одну из соотнесенных предикативных структур.

Так, например, для обозначения состояния – маркера времени вместо СППвр может быть использовано осложненное предложение с причастным или герундиальным оборотом.

В фокусе нашей работы находится такой тип предикативных отношений, который возникает вследствие явления полипредикативности – объединения нескольких предикаций в рамках одного предложения. Основной формой выражения полипредикативности, как известно, является сложное предложение, однако, более сложным типом полипредикативных отношений (по мнению Е.А. Рониной) приходится считать явление несамостоятельной, дополнительной по отношению к предикативному ядру предложения предикативности. Несамостоятельная предикативность помещается за пределами формального сказуемого, ее носителем выступают неличные формы глагола. Распространенные в языке герундиальные, причастные и инфинитивные конструкции, таким образом, воплощают особый тип предикативных отношений.

Понимание осложненных предложений как полипредикативных выводит данный тип предложения за рамки простого предложения, однако, неравноправность предикативных отношений, формирующих осложненное предложение, не позволяет включать данную синтаксическую единицу в класс сложных предложений. Следовательно, справедливым представляется отнесение предложений, осложненных конструкциями с неличными формами глагола, к промежуточным структурам между простым и сложным предложением. Между отечественными и зарубежными исследователями существуют разногласия по поводу статуса и места осложненных конструкций в синтаксической парадигме. Большинство зарубежных грамматистов склонно считать осложняющий компонент, представленный абсолютной конструкцией с неличной формой глагола, эквивалентным придаточному предложению, а предложения, содержащие эти конструкции не простыми, а сложными.

В английских грамматиках по отношению к осложняющей абсолютной конструкции используется термин «construction..», обсуждение английскими лингвистами правомерности употребления термина clause («придаточное предложение») по отношению к абсолютным конструкциям, приводит к выводу, что в этих конструкциях мы имеем дело с синтаксической единицей, где в любом случае имеется глагольное ядро, и, соответственно, могут присутствовать второстепенные члены предложения.

Обсуждая синтаксическую природу абсолютных оборотов, отечественные авторы (Гурычева, Черемисина, Золотова) склоняются к

идее структурно-синтаксических преобразований, которые претерпевают предикативные конструкции, становясь несамостоятельным компонентом полипредикативной единицы. Так, М.С. Гурычева считает абсолютные обороты не предложениями, а особыми конструкциями, «служащими для сокращения сложно-подчиненного предложения» [7].

Г.А.Золотова говорит о том, что осложненное предложение занимает переходную позицию между системами сложного и простого предложений, являясь семантико-синтаксическим дериватом, при этом причастие и деепричастие рассматриваются ею в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката; они вносят в конструкцию имплицитную предикативность [2; 183].

Г.Хашимов рассматривает причастие I и II в функции обстоятельства времени и определяет способы выражения одновременности и предшествования действию, выраженному глаголом-сказуемым. Автор отмечает, что причастные формы, выполняющие функцию обстоятельства времени, являются синтаксическими синонимами с герундиальными оборотами и придаточными времени. [8; 237-301]

Связь между абсолютным оборотом и включающей его предикативной структурой обозначается в лингвистической литературе различными терминами, отражающими представление о некой неполноценности данной конструкции: «полупредикативность» (Камынина 1981), «незавершенная предикативность» (Степанов 1990:393), «дополнительная предикативность» (Гак 1986), М.И. Черемисина употребляет термин «вторичная предикативность» (Черемисина 1987).

Е.А. Ронина предлагает термин «косвенно-предикативный оборот/ конструкция» (где косвенный выступает как антоним слову «прямой» и не несет более никакой дополнительной семантической нагрузки). Под косвенно-предикативным оборотом ею понимается структура, включающая собственный субъект, отличный от субъекта объемлющей предикативной единицы; предикативная вершина данной структуры выражена неличной формой глагола; структура представляет собой семантико-синтаксическое осложнение рамочного предложения.[4;26-27]. Мы позволим себе воспользоваться этим термином. Термин «абсолютная конструкция/ абсолютный оборот » используется в работе в целях синонимической замены.

Изоморфизм синтаксических построений сложноподчиненного предложения и предложения, в котором содержится косвенно-предикативный оборот, проявляется в тех случаях, когда неглавная часть предложения – придаточное в сложноподчиненном или оборот в осложненном – выступают в качестве маркера времени. Мы можем говорить о неограниченной возможности взаимной трансформации придаточного времени и косвенно-предикативного оборота с тем же значением.

Выбор между косвенно-предикативным причастным оборотом и придаточным временным предложением определен, как нам представляется, различием смысловых акцентов. Если в придаточном предложении акцент делается на описании события, которое происходит одновременно, предшествует или следует событию, описанному в главной части предложения; то при выборе косвенно-предикативного причастного оборота, акцент смещается таким образом, что главным становится не описание события, а тот факт, что это событие является отправной точкой (даже косвенной причиной) для другого события, описываемого главной частью предложения.

Так, в Примере 1 придаточная часть описывает событие, предшествующее событию главного, в Примере 2 - косвенно-предикативный причастный оборот описывает событие-веху, которое явилось косвенной причиной того, что беседа оборвалась.

1) The letter to her parents being written, she went to post it. «После того, как письмо к родителям было написано, она пошла его отправить».

2) George yawning, the conversation dropped. «Когда/после того, как Джордж начал зевать, беседа оборвалась». В то же время возможна трансформация оборота в придаточное предложение, приобретающее в таком случае описательный характер.

1) When the letter to her parents had been written, she went to post it.

2) When/ After George began yawning, the conversation dropped.

Наряду с абсолютными оборотами, выражающими только обстоятельство значение времени, в языковой структуре представлены случаи, когда абсолютный оборот совмещает в себе более чем одно значение.

Причастие, так же как и другие неличные формы глагола, является лексически и структурно зависимым элементом предложения и мо-

жет относиться в предложении к одному из второстепенных членов. Второстепенные члены предложения, которые определяют причастие, обычно обозначают: а) место, б) время, в) деятеля.

1) He never uttered a word unless spoken to. – (Хотя по союзу - временной причастный оборот, но скорее изъяснительный по характеру)

2) Neither of us knew when to begin. – (Инфинитив в качестве дополнения, вводимый союзом when).

Чрезвычайно распространенному оформлению абсолютного (инфинитивного) оборота, вводимого союзом часто приписывают временное значение, видимо, потому, что такой инфинитивный оборот действительно может быть применен в качестве временного маркера и заменен в этом случае придаточным предложением времени.

Сравним:

1) He never uttered a word unless he was spoken to.

2) Neither of us knew when we should begin.

При выборе способа оформления зависимой предикации действует ряд факторов: формальный, в соответствии с которым выбор косвенно-предикативного оборота осуществляется тогда, когда объемлющее оборот предложение представляет собой сложную конструкцию, включающую в себя, кроме оборота, одно или несколько придаточных; статусный, когда более высокий статус событию, описываемому неглавной частью, придается путем оформления этой части в виде придаточного, менее высокий – в виде косвенно-предикативного оборота.

Свертывание, наблюдаемое при трансформации сложноподчиненного предложения в простое, осложненное оборотом, приводит к материальному сокращению линейной структуры поверхностного предложения вследствие опущения/элиминирования отдельных компонентов трансформируемой конструкции. Нельзя не заметить, что сокращение структуры осуществляется одновременно с ее уплотнением, связанным с изменением в процессе конденсации природы предикативной вершины рассматриваемых структур.

Выбор предикативно несамостоятельной структуры, по мнению Рониной, уже сам по себе несет два вида информации: собственно предметную, объем которой по определению больше, чем в высказывании монопредикативного характера, и информацию, которая вкладывается го-

ворящим в сам факт выбора оформления одной из соотносимых предикаций в виде косвенно-предикативного оборота. Этот выбор является действием намеренным (говорящий подобным образом эксплицирует отраженные его языковым сознанием связи между фактами и явлениями действительности, выражает взаимообусловленность и градуированность этих связей); в нем содержится важная часть информации об отношении субъекта речи к тому фрагменту действительности, о котором он сообщает в высказывании (т.е. классифицирует ли говорящий данную часть информации как не обладающую в его глазах независимой ценностью) [4; 30].

Кроме того, более высокий статус придаточного предложения проявляется в особенностях его структурной организации, опорными компонентами которой выступают союз или союзное слово с одной стороны и личная форма глагола с другой стороны. Наличие союза эксплицирует семантику подчиняемой предикации, придавая ей однозначный характер. Семантическое многообразие союзов и их обязательность в структуре придаточного предложения делает описываемое в предложении действие или событие существенным, а иногда и неотъемлемым компонентом смысла сложного предложения. Развернутость структуры, эксплицированность, «проговоренность» значений относят придаточные предложения прежде всего к книжному стилю речи, что также не в последнюю очередь свидетельствует о их высоком статусе.

Косвенно-предикативные обороты, напротив, представляют собой свернутые структуры.

Союзы и предлоги в большинстве случаев в их составе отсутствуют, что имплицитно означает значение оборота. Непосредственно не выраженное значение обуславливает использование контекста, различного вида коннотаций в процессе принятия однозначного решения о семантике оборота. Подобный анализ, производимый как субъектом, порождающим конструкцию, так и ее реципиентом, говорит об отнесенности косвенно-предикативных оборотов к сферам книжного стиля и литературной разговорной речи. Даже причастные обороты, которые характеризуются сугубо как обороты книжные, хорошо приспособлены для передачи в письменном стиле разговорной речи, быстрой смены описываемых событий, фактов, впечатлений и мнений.

Использование в качестве предикативной вершины оборота неличной формы глагола лишает подчиняемую предикацию собственной предикативности, тем самым актуализируется и усиливается семантика неглавного, сопутствующего события, обстоятельства, факта, описываемого оборотом. Это также ведет к снижению статуса косвенно-предикативных оборотов по отношению к придаточному предложению. Нельзя не обратить внимание и на то положение, что при синтаксическом упрощении (каким является трансформация сложноподчиненного предложения в простое) эквивалентный причастный или герундиальный оборот обладает меньшей степенью коммуникативного динамизма, чем функционально соответствующее ему придаточное предложение.

Список использованной литературы:

1. Гулыга Е.В. Место сложноподчиненного предложения в системе синтаксиса. Филологические науки, 1961, №3, с.16-25).
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука. – 1982.
3. Москальская О.И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. – М.: Наука. – 1969.
4. Ронина Е.А. Моделирование косвенно-предикативных конструкций с неличными формами глагола: семантико-синтаксический и коммуникативно-прагматический аспекты. – Дис... канд. филол. наук. – Омск. – 2004.
5. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы// Вопросы языкознания. – №2. – 1984. – С. 31-42.
6. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношений уровней грамматической системы языка. – М.: . – 1990.
7. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. – 1972. – 356 с.
8. Хашимов Г. Причастие в роли обстоятельства и его соответствия в узбекском языке. Уч. записки Ташкентского пед. ин-та иностр. языков. – Вып. 11. – 1964. – С. 237-301.